

В ожидании чудовища

«КОМНАТА» ЭММЫ ДОНОХЬЮ

Григорий Дашевский



РОМАН, в прошлом году попавший в шорт-лист Букера, начинается с того дня, когда Джеку, рассказчику, исполняется пять лет. За эти пять лет он ни разу не выходил из комнаты; в подарок он получает собственный портрет, нарисованный матерью

простым карандашом на листке бумаги, и вешает его на задней стенке шкафа — чтобы не увидел тот, кто приходит к матери по ночам. Почти сразу становится понятно, что мать и сына держит взаперти какой-то злодей вроде прогремевшего три года назад Йозефа Фритцля (австрийца, который много лет держал в подвале и насиловал собственную дочь, родившую от него за это время семерых детей) или других насильников-тюремщиков, ставших в последние годы медиагероями. Мы ждем, что идиллия вот-вот превратится в триллер, что монстр выйдет из тени — но нет: в центре рассказа остается то, что интересно Джеку, — царапины на столе, паутина, персонажи мультфильмов и самое важное — бесконечные игры и разговоры с матерью. Мать для Джека — единственный друг и единственный источник сведений о мире, он для нее — единственный друг и единственный спаситель от отчаяния, безумия и распада. Это книга не о монстре, а о детстве (английские критики хвалят Донохью прежде всего за воспроизведение детского голоса; его интонации сохранены и в переводе Е. Ламановой). Отношения ребенка с матерью, с языком, с сокращенным до размеров комнаты миром — предмет рассказа, а чудовище и чудовищное — только фон.

Этот фон в «Комнате» изображен сквозь двойной защитный фильтр — материнского умолчания и детского непонимания. За кадром оставлено почти все то страшное, что известно по реальным историям такого рода, которые Донохью, готовясь писать роман, подробно изучила. Тут нет жестоких сцен, побоев, издевательств — обо всем этом можно лишь догадываться, как и о том, что у матери Джека творится в душе, — о страхе свободы, об отвращении к себе. Защищать читателя, словно пятилетнего ребенка, от жестокой правды — вроде бы затея довольно сомнительная. Но читатели — именно что не дети: они эту правду и сами прекрасно знают из газет, из телевизора, из бумажных и кинотриллеров. Донохью отказывается не от правды, а от того, что скрывается за читательским и зрительским стремлением к этой самой жестокой правде — от зачарованности монстрами и их силой, их способностью калечить людей. Она вовсе не хочет обмануть каких-то уже давно не существующих простодушных людей и внушить им, будто неволя, изоляция и насилие — ничто рядом с любовью. Донохью хочет сместить перспективу — и словно говорит: смотрите не на монстров и не на нанесенные ими травмы, а на то, что защищает от монстров и лечит травмы — на материнскую любовь, на детское любопытство, на детскую храбрость.



GETTY IMAGES/FOOTBANK

ОТНОШЕНИЯ РЕБЕНКА С МАТЕРЬЮ, С ЯЗЫКОМ, С СОКРАЩЕННЫМ ДО РАЗМЕРОВ КОМНАТЫ МИРОМ ПРЕДМЕТ РАССКАЗА, А ЧУДОВИЩЕ И ЧУДОВИЩНОЕ — ТОЛЬКО ФОН

Это хорошая идея, и у Донохью могла бы выйти действительно хорошая книга, если бы она умела сохранять напряжение между тем, что нам хочется видеть (монстров), и тем, что она нам показывает (любовь, детское сознание). Если бы на протяжении всей книги мы ощущали присутствие чудовища где-то в тени или боялись бы, что героиня окажется заражена тем мраком, в котором так долго живет, — тогда текст питался бы энергией этих наших страхов и подозрений. Но Донохью целиком полагается на читательское воображение, точ-

нее говоря — полагается на то, что СМИ и триллеры с читателем хорошо поработали еще до того, как он взялся за ее роман; сама она не умеет эти страхи подогревать. Сквозь детское простодушное сознание она умеет сообщить о фактической реальности, но напугать этой реальностью не умеет. Так что очень скоро после начала чтения книги из всех читательских аффектов включенной остается одна только сентиментальность.

Эмма Донохью. «Комната»
Пер. с англ. Е. Ламановой. Центрполиграф, 2011